

Как и ожидал Юй Шэнь, сразу после окончания матча по парному покеру Лян Циншу покинул Старый кампус, даже не раскрыв зонта.

Впрочем, держать его самому и не требовалось.

Обычным такси въезд на территорию школы Сяоцзи был заказан, но для личных автомобилей богатеньких наследников и наследниц никаких ограничений не существовало. Более того, расположение парковочного места и его размеры напрямую зависели от статуса и влияния владельца.

Вот и сейчас «бентли», присланный специально за Лян Циншу, бесцеремонно пролетел по аллее и припарковался прямо у парадного входа в Малый актовый зал.

Пожилой водитель в белоснежных перчатках поспешно вышел из салона и, почтительно склонив голову, распахнул заднюю дверцу.

Лян Циншу скользнул внутрь. Стоявший рядом Лю Хэ тоже вознамерился сесть на заднее сиденье, но водитель одарил его предупреждающим, холодным взглядом. Под этим тяжелым, непреклонным взглядом Лю Хэ невольно отшатнулся и лишь спустя секунду пролепетал вполголоса:

— Мне нужно кое-что сообщить старосте... Это касается Юй Шэня.

— Пусть садится, — слышался из глубины салона равнодушный голос Лян Циншу. — На улице слишком холодно, я хочу поскорее вернуться.

Только после этого шофер отступил. Едва Лю Хэ устроился на сиденье, автомобиль плавно тронулся с места.

За окном сквозь пелену проливного дождя едва проглядывали сумерки. В этом сером полумраке Лян Циншу казался Лю Хэ еще более отстраненным и холодным, чем обычно. Опасаясь вызвать его недовольство, Лю Хэ сразу же перешел к делу:

— Пока Юй Шэнь играл против Гао Ханя, я решил разузнать о его прошлом. Навел справки и расспросил кое-кого из преподавателей Старого кампуса.

— М-м, — без тени удивления отозвался Лян Циншу. — Он ведь когда-то жил в Цяньлэ, верно?

— Откуда вы знаете? — искренне изумился Лю Хэ. — Да, все верно. Когда ему было около десяти, приемный отец отправил его в Китай — хотел уберечь от войны и дать ему нормальное детство.

— Приемный отец? — Лян Циншу слегка приподнял бровь, точно смакуя новое слово.

Он вспомнил слова Юй Шэня о том, что в его жилах течет китайская кровь.

«Течет китайская кровь».

В этой короткой фразе сквозила попытка обозначить хоть какую-то связь с этой страной — и одновременно подчеркнуть непреодолимую дистанцию. В конце концов, если речь идет не о родных родителях, а о предках в третьем или четвертом колене, все эти разговоры о происхождении превращаются в пустой звук.

— Именно так, приемный отец, — закивал Лю Хэ, слегка подавшись вперед. — Сведений о жизни Юй Шэня до трех лет нет — они попросту утеряны. Самые ранние записи начинаются с момента, когда его усыновил некий Эрикссон.

— И кто он такой?

— Личность весьма примечательная, потому-то я так быстро его и нашел, — охотно пояснил Лю Хэ. — Швед по происхождению. В девяносто втором году перебрался в Вашингтон, работал в ООН. В две тысячи третьем решением тогдашнего Генсека его назначили спецпредставителем и главой миссии, курирующим миротворческие операции в Мальтоне. Он и по сей день там — возглавляет временную администрацию региона. А Юй Шэнь... В разгар кровопролитных мальтонских столкновений Эрикссон буквально вытащил его из трущоб, находившихся под контролем радикальных националистов.

Затерянный на юго-востоке Европы Мальтон, зажатый между двумя морями, издавна считался пороховой бочкой. Из-за пестрого этнического состава жестокие распри не утихали там еще с восемнадцатого века.

Лян Циншу задумчиво коснулся подбородка:

— Что ж, звучит как начало приключенческого романа.

— Вот именно, — угодливо закивал Лю Хэ. — Стоило мне вбить имя в поисковик, как вылезла уйма статей на зарубежных сайтах. Видимо, эта история в свое время наделала немало шума в прессе.

Лян Циншу промолчал, приглашая собеседника продолжить.

— Но самое интересное — это слухи о его настоящих родителях, — воодушевленно затараторил Лю Хэ. — Поговаривают, будто Эрикссон на самом деле его родной отец, а матерью была местная оперная дива, некогда блиставшая на сцене. Якобы в молодости у них был бурный роман, но потом Эрикссону пришлось вернуться в Вашингтон. Брошенная возлюбленная с горя

пристрастилась к наркотикам и закончила свои дни в нищете, в тех самых трущобах. Разумеется, версий много, я могу переслать вам все...

— Не нужно, — оборвал его Лян Циншу. — Этой истории вполне достаточно.

Лю Хэ удивился, что председателя увлекла столь банальная драма, но послушно протянул ему планшет с открытыми вкладками. Лян Циншу взял устройство и бегло просмотрел заголовки.

Статьи были на иностранных языках: английский перемежался с причудливой вязью редкого местного наречия, из-за чего прочесть текст с ходу было непросто. Тем не менее сквозь трудности перевода сквозило искреннее восхищение покойной певицей. Эта женщина, в чьих жилах текла кровь трех разных народов, пела прямо под бомбежками, а под конец жизни оказалась на самом дне. Оставив после себя шлейф из слухов, сплетен и красивых легенд, она стала настоящим мифом ушедшей эпохи.

«Голос, проникающий в самую душу».

«Пение, способное исцелить любое израненное сердце».

«Призрачная, щемящая грусть, которая навсегда селится в груди всякого, кто ее слышал»...

— Теперь понятно, — Лян Циншу небрежно вернул планшет Лю Хэ.

Лю Хэ замер в ожидании продолжения, но Лян Циншу упорно молчал. Осторожно скосив глаза, юноша заметил, что председатель прикрыл веки, погрузившись в глубокие раздумья.

О чем он думал? Неужели о Юй Шэне?

Лю Хэ так и подмывало расспросить поподробнее, но, зная характер Лян Циншу, он не посмел нарушить его покой. Юноша послушно выпрямился и отодвинулся к противоположной двери, дабы не стеснять своего предводителя.

Многочасовой перелет через океан и изматывающая игра, потребовавшая предельной концентрации, не могли не сказаться на состоянии Юй Шэня. Сказать, что он чертовски устал, — значит не сказать ничего.

Однако лечь спать посреди дня было нельзя — это напрочь сбило бы и без того нарушенный биоритм. Вернувшись в отель, он наскоро принял душ, устроился за простым деревянным столом и прикрыл глаза, давая мыслям улечься, а телу — немного отдохнуть.

Тишину нарушил негромкий сигнал смартфона: на почту пришло новое письмо.

Юй Шэнь нехотя разомкнул веки. Этим адресом он пользовался исключительно для личной переписки — сюда никогда не просачивался вездесущий спам с рекламой доставки пиццы или дешевого фастфуда. Писать на него мог только один человек.

Скорее всего, приемный отец решил поинтересоваться, как его подопечный обустроился на новом месте. Едва заведя в строчке темы короткое «Привет, сынок», Юй Шэнь воочию представил, как старик добродушно посмеивается, отправляя это послание.

В отличие от сурового чиновника, чей парадный портрет красовался на официальном сайте ООН и в Википедии, в жизни Эрикссон был невероятно общительным и жизнерадостным человеком. Разница в возрасте почти в сорок лет нисколько не мешала им находить общий язык и болтать обо всем на свете. На его фоне Юй Шэнь со своей вечной маской невозмутимости выглядел настоящим букой. Эрикссон частенько поддразнивал приемного сына, уверяя, что тот в свои юные годы ухитрился обзавестись манерами чопорного английского лорда, готового в любой момент пропустить сквозь зубы презрительное: «Ох уж эти неотёсанные американцы».

Впрочем, сейчас Юй Шэнь невольно подумал, что ярлык «высокомерного аристократа» куда больше подошел бы тому невысокому парню из Нового кампуса, с которым он столкнулся сегодня.

Чопорные приверженцы традиций упорствуют не от скудоумия или неспособности принять прогресс. Им попросту на него плевать. Когда ты с пеленок окружен безграничным уважением и роскошью, вера в незыблемость собственного мира укореняется так глубоко, что ни одна внешняя сила уже не способна пошатнуть этот трон.

Как же его звали... Лян Цин?..

Нет, иероглиф наверняка другой.

Юй Шэнь вздохнул и покачал головой.

И пускай на разговорном уровне он изъяснялся вполне сносно, мысленно воссоздавать очертания столь заковыристых иероглифов ему все еще давалось с трудом. Китайская письменность оставалась для него непреодолимой вершиной: за четыре года упорных занятий он так и не научился писать красиво. Его каракули по-прежнему выглядели сиротливо и криво, вызывая лишь искреннюю жалость.

Юй Шэнь лениво опустил голову на сложенные руки и, прищурившись, кликнул по письму. В этот момент, расслабленный и разомлевший от тепла, он невероятно походил на огромного домашнего кота.

«Данная услуга недоступна в вашем регионе».

This service is not available in your area.

Юй Шэнь:

—...

Похоже, первым делом в Китае ему придется раскошелиться на хороший VPN.

<http://bllate.org/book/19712/2000762>